

Каким был для нас 2020 год

2–3

Репрессированное Рождество Христово

4–5

Непридуманные приходские истории

6–7

Рождество Христово в «красной зоне»

8

КОРМЧИЙ РУССКОЙ ЦЕРКВИ

1 февраля 2021 года, в 12-ю годовщину интронизации Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, в кафедральном соборном Храме Христа Спасителя в Москве была совершена Божественная литургия, по окончании которой митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий огласил приветственный адрес Священного Синода Русской Православной Церкви и преподнес Его Святейшеству икону благоверного великого князя Александра Невского, 800-летие которого отмечается в этом году.

С годовщиной интронизации Предстоятеля Церкви поздравили Президент Российской Федерации В.В. Путин и Председатель Правительства М.В. Мишустин.

В приветственном адресе Священного Синода было отмечено, что со дня восшествия на Патриарший престол Святейший Владыка неустанно совершает *дело веры и труд любви*, пламенно проповедует, возвещая истину, неизменно подает вдохновляющий пример ревностного делания в Винограднике Христовом.

«Никогда доселе в истории мирового Православия не было периода, отмеченного столь динамичным развитием различных сторон церковной жизни. Восстановление и строительство храмов и монастырей, увеличение количества епархий, учреждение новых Синодальных отделов, социальное, миссионерское и просветительское служение, работа с детьми и молодежью – все это и многое другое, совершаемое ныне в нашей Церкви по Вашему благословению, являет всему миру Вашу деятельную заботу о том,

чтобы слово Божие росло, и число учеников Христовых весьма умножалось.

Подражая своим достопочтенным предшественникам, Первопрестольникам Московским, Вы с неослабною ревностью стоите на страже канонов Святой Церкви, стремитесь быть истинным хранителем апостольских преданий, столпом непоколебимым, Православия наставником.

Позвольте выразить Вам, Ваше Святейшество, глубокую сыновнюю благодарность за мудрое управление церковным кораблем в столь непростых обстоятельствах, за пример мужества и духовной стойкости, за горячие молитвы и ясные указания, как в сии нелегкие времена надлежит поступать нам, христианам. Ваше деятельное и исполненное подлинно евангельской любви отношение находит живой отклик в сердцах миллионов верных чад Русской Православной Церкви.

В сей день мы возносим сугубые молитвы Всещедрому Владыке неба и земли, дабы Он и впредь исполнял Ваше сердце *всякой радости и мира в вере*, укреплял духовные и телесные силы и ниспосылал Свою неоскудевающую помощь в дальнейшем столь же ревностном и плодотворном Патриаршем служении на пользу Святой Церкви и во спасение народа Божия».

Предстоятель Русской Православной Церкви обратился к собравшимся с Первосвятительским словом, в котором Его Святейшество отметил следующее:

«Каждый, кто посвящен в архиерейский сан, знает, что призываемый к архиерейско-

му служению священнослужитель возлагает на себя, через Божественный промысел, величайшую ответственность. Невозможно нести груз этой ответственности, опираясь только на свои собственные силы. Вот почему те, кого Господь сподобил архипастырского жребия, хорошо знают: если бы не благодать Божия, ниспосылаемая по молитвам всех верующих людей, то было бы невозможно нести это служение, ибо восстает враг рода человеческого на каждого, кто отдает свою жизнь Господу, но особенным образом создает средостение для тех, кому вручается наивысшая ответственность за дело Божие в своем народе.

Нести крест служения, особенно Патриаршего, без молитвенной поддержки епископата, духовенства, верующего народа невозможно. В единении, в схиме, в затворе можно спасти свою душу, но нести ответственность за спасение народа Божиего в единении невозможно, как невозможно совершать этот подвиг, опираясь только на собственные силы. Поэтому если что и удастся совершить мне, недостойному, на пути моего Патриаршего служения, то без всякой ложной скромности скажу: все это я отношу к величайшей Божественной милости, которая излита на меня и изливается, в том числе через молитвы и поддержку братьев-архипастырей, духовенства и всех вас, мои дорогие, всего нашего верующего народа.

Сердечно благодаря всех, кто сегодня вместе со мной молился в этом храме, и всех, кто сегодня по всему лицу земли нашей возносит о мне, недостойном, свои молитвы, я бы просил еще и еще усилить эту

молитву. Потому что время, в которое мы живем, не становится более легким и спокойным; и даже постигая всех нас пандемия вирусной инфекции является знаком этого неблагополучия и этих трудностей. Это лишь один материальный знак, но как много существует духовных, скрытых знаков неблагополучия, которое действительно прикасается к жизни огромного количества людей! И если добраться до первопричины этого неблагополучия, то это отнюдь не материальные факторы, которые с годами не становятся хуже, – хотя во время пандемии и это испытание выпало на долю нашего народа. В первую очередь это не столько материальные искушения и трудности, сколько искушения чисто духовные.

Мы понимаем, видим, что испытания, через которые проходит Церковь XXI века, несут, несомненно, апокалиптический характер. Это испытания, связанные в первую очередь с нашей верой, с нашей верностью Господу, с нашей способностью жить по Божию закону, не на словах исповедовать веру и не по привычке ходить в храм, а следовать основам нашей веры, Божественным заповедям в своей собственной жизни, через что и достигается спасение благодатью Божией и подлинное благополучие человеческой жизни – и уже здесь, на земле, и, конечно, в Царствии Небесном».

Праздничное богослужение посетили руководители Общероссийского общественного движения «Россия Православная» М.М. Иванов, В.В. Остапчук и С.В. Смирнов.

Пресс-служба Патриарха Московского и всея Руси

КАКИМ БЫЛ ДЛЯ НАС 2020 ГОД

СВЯТЕЙШИЙ ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ КИРИЛЛ О СОБЫТИЯХ 2020 ГОДА, ОСТАВИВШИХ ЗРИМЫЙ СЛЕД В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ЦЕРКВИ

7 января 2021 года, в праздник Рождества Христова, на телеканале «Россия» состоялся показ традиционного Рождественского интервью Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Предстоятель Русской Православной Церкви ответил на вопросы политического обозревателя ВГТРК, ведущего программы «Вести» А.О. Кондрашова.

— Ваше Святейшество, спасибо Вам за возможность пообщаться с Вами в день Рождества Христова. Позвольте сразу первый вопрос: необычайно трудным выдался прошедший год. Что это было? Наказание, испытание — что нам послано?

— Совершенно справедливо это явление называть пандемией. Пандемия в переводе с греческого — это «весь народ». Действительно, весь народ, весь род человеческий подвергся этой опасности. В прошлом уже бывали разного рода эпидемии, часто очень грозные. Взять, допустим эпидемию чумы в Западной Европе — она унесла жизнь половину жителей Европы, это было страшное испытание, потому и назвали эту страшную эпидемию чумы пандемией. Ну, и сегодня это слово применяется по назначению, потому что нет такого места, где можно было бы по-настоящему укрыться от этого опаснейшего вируса, и потому не должно быть несерьезного и поверхностного отношения к тому, что происходит.

К сожалению, до сих пор в быту иногда распространяется такое мнение, будто это где-то там, а я никогда не заболею. Заболевают сегодня все — и высокопоставленные люди, и работающие, и неработающие, и пенсионеры, и молодые, поэтому требуется особое отношение каждого человека к этой болезни. А опыт учит нас: когда общество способно принимать соответствующие консолидированные противоэпидемические меры и употреблять необходимые средства, эпидемии останавливаются.

Если взять эпидемию XVII века — началась чума в Москве, которая привела к страшным последствиям. Большое количество священников просто умерли, некому было совершать богослужения, храмы закрылись; более того, невозможно было хоронить людей — на церковных кладбищах было запрещено хоронить тех, кто умер от чумы. Можно себе представить этот ужас, через который прошла Москва. Но прошла, сделав соответствующие выводы, и эти выводы не только запечатлелись в памяти москвичей, но, видимо, вошли и в государственную политику.

Когда в 1837 году в Одессе вспыхнула чума, губернатор граф М.С. Воронцов и владыка Гавриил, архиепископ Херсонский и Таврический, совместно приняли решения, которые мы сейчас пытаемся повторить. Представляю себе, каково было владыке — в то время, когда храмы играли центральную роль в жизни людей! — издать распоряжение о том, что храмы закрываются. На два месяца храмы были закрыты, затем доступ в храмы был ограничен: у каждого храма стоял наряд полиции и не допускал такого количества людей, чтобы между ними не было достаточной дистанции. Ну и, кроме того, было запрещено прикладываться к кресту, к образам. Мы знаем, что все это было санкционировано церковными властями и поддержано властями государственными.

Поэтому то, что сегодня мы принимаем противоэпидемические меры, которые иногда вызывают смущение, в том числе среди благочестивых людей, — это не какая-то новация. Мы следуем в русле наших благочестивых предков. И как введенные ими действия ни у кого не вызвали подозрения в том, что Священноначалие действует, стремясь достичь каких-то недекларируемых и опасных целей, так, надеюсь, и сегодня народ с доверием относится ко всем тем указаниям, которые, в том числе, и мне пришлось сделать и которые направлены на то, чтобы ограничить саму возможность заболевания,

в том числе через участие в богослужениях.

— Коронавирус, конечно, совершил титанические сдвиги в нашем привычном жизненном укладе. Общество поделилось: кто-то стал паниковать, избегать людей, боясь заразиться и умереть; появились ковид-диссиденты — люди напрочь игнорируют все санитарные нормы. Ваше Святейшество, а каким должно быть христианское отношение к коронавирусному вызову, если можно так сказать?

— Сейчас наступают Рождественские дни, и в праздник Рождества мы будем слушать в храме такие слова: «Страха же вашего не убоимся, ниже смутимся». Не должно быть страха. Страх — это вообще очень негативное чувство. Страх сковывает человека и нередко может полностью его парализовать, лишит свободы действий. Поэтому страх — совершенно негативное понятие, за исключением такого очень важного понятия, как страх Божий. Но страх Божий — это не эмоциональный страх, а осознание нравственной ответственности за свои поступки перед лицом Божиим.

Поэтому призывать к тому, чтобы люди боялись, чтобы возникала паника в связи с распространением этого заболевания, — это совершенно неправильный путь. А что следует делать? Конечно, надо воспитывать людей, прививать такой образ мысли и такой образ действий, которые минимизировали бы возможность заразиться. Но и в данном случае, обращаясь к людям верующим, хотел бы сказать: не надо искушать Господа Бога своего, как сказано в заповедях.

Некоторые считают: я же верующий человек, я причастился Святых Христовых Таин, я пришел в храм с добрыми намерениями, ничего меня не должно смущать, никакая инфекция ко мне не прикоснется. Но ведь точно так же Господь ответил на искушение дьявола, когда тот предложил Ему броситься вниз с крыши Иерусалимского храма, чтобы, не разбившись, доказать Свое Божество, Свою Божественную силу. Что Господь ответил? «Не искушай Господа Бога своего». Поэтому никогда и никто из искренне верующих людей не может искушать Господа, утверждая: поскольку я верующий, поскольку я пошел в храм, поскольку я приложился к святыне, я точно не заболею.

Пусть этот евангельский пример поможет понять, что искушение Господа — это стремление грешного человека к тому, чтобы Господь следовал нашей, простите, дурной логике. Невозможно привлечь Вседержителя мира к участию в наших мелких, часто очень неправильных, а иногда и просто дурных поступках.

— Ваше Святейшество, еще во время первой волны пандемии с Вашего благословения службы в церквях проходили при минимальном количестве людей, там были только клирики, хор, служащие. На Ваш взгляд, не оставил ли этот опыт какой-то травмы как для священнослужителей, так и для паствы? Ведь храмы Русской Православной Церкви на самом деле всегда были открыты для всех — и вдруг такое?

— Скажу о чем-то сугубо личном. Для меня сопровождалась реальной травмой и очень тяжелым переживанием необходимость призвать людей — публично, через телевидение — не посещать Божии храмы. Вся моя жизнь, я уже об этом говорил, посвящена тому, чтобы, наоборот, приглашать людей в храмы, приводить людей в храмы, приводить людей к Богу. Другой цели в моей жизни нет...

И вот вынужден Патриарх сказать: не ходите в храмы. Тяжело было даже не просто морально, духовно — физически тяжело было произнести эти слова. Но мне помог

ки, волонтеры, священнослужители. Что бы Вы сказали этим людям, которые, не щадя свои жизни, находятся на передовой в борьбе с инфекцией?

— Я испытываю чувство искренней благодарности и радости за то, что замечательная традиция жертвенного служения во имя блага и здоровья жизни ближних сохраняется в жизни современных людей, в том числе молодежи. Ведь если вспомнить эпидемии прошлого, такие имена, как доктор Гааз, доктор Пирогов, — это же действительно удивительные примеры того, как во времена, когда не было таких мощных лекарств, как сейчас, врачи шли к больным. Пирогов 16 раз посещал смертельно больных людей, — а это была чума, — и не заразился, Господь хранил его. И то, что сегодня наши добровольцы и особенно наши врачи, медперсонал, рискуя своей жизнью, своим здоровьем, осуществляют свой долг с таким энтузиазмом, дерзновением, без всякого хныканья, без всяких требований «нет, вы нам дайте то-то и то-то, потому что мы делаем такие важные дела», — все это встречает глубокую благодарность со стороны народа. А в моем сердце — и благодарности, и радость, потому что в тяжелый момент нашей жизни оказалось множество людей, способных на подвиг и на жертвенность. И куда это будет в нашем народе, мы действительно будем непобедимыми, потому что победа всегда связана с жертвой.

— Ваше Святейшество, очень часто Вы говорите о том, что есть много потенциальных рисков от всеобщей цифровизации в нашей жизни; вот и сейчас Священный Синод в своем послании отметил обеспокоенность тем, что дистанционное образование может и после пандемии остаться с нами навсегда. Как Вы считаете, какие области, сферы цифровизации требуют отдельного осмысления?

— Я не буду говорить о цифровизации в принципе, а хотел бы сказать об отдельных применениях цифровых технологий. Цифровые технологии способны создать инструменты, обеспечивающие тотальный контроль за человеком. Ничего подобного в прошлом не могло быть. Человеческая мысль, техническая цивилизация сегодня достигли такого уровня, когда, внедряя цифровые технологии, можно обеспечить тотальный контроль над человеческой личностью. Не просто наблюдение за человеком, но управление человеческим поведением. В книге Апокалипсис сказано, что пришествие антихриста будет сопровождаться тотальным контролем над человеком. Там не используются эти слова, но из содержания совершенно ясно, что речь идет о способности тотально контролировать человеческое поведение. Там говорится, что на чело человека будет наложена печать антихриста, и без этой печати нельзя будет ни купить, ни продать, ни участвовать ни в каких общественных отношениях, — человек будет обречен на гибель.

— А если этот человек сам рад быть таким «всемирно наблюдаемым»? Как сейчас со смартфоном — какие возможности, от геопозиции до всех фотографий... причем люди идут на это сами.

— В том-то и дело. Дьявол же является не в виде злодея, кощя бессмертного, а в виде ангела света; и пришествие в мир антихриста будет сопровождаться появлением удивительного человека, который по своей интеллектуальной мощи, по силе воздействия на людей способен будет вывести человечество из тех кризисов, в которые оно попало. Этот человек и предложит: чтобы всякая преступность ушла из нашей жизни, давайте руководствоваться тем, чтобы каждый человек имел некий ключ ко всему, что ему нужно. Например, это может быть карточка — прикладываете и получаете доступ к продуктам питания, доступ к образованию, а если этой карточки нет, то все теряется.

Мы с Вами сейчас рассуждаем о том, что развитие цифровых технологий вооружает

— Мне кажется, мы должны быть благодарны пандемии за то, что она явила миру совершенно новых героев. Это меди-

человечество способностью осуществлять тотальный контроль над личностью. Я привел в пример Апокалипсис и антихриста, с тем чтобы убедить тех людей, которые, может быть, об этом пока не задумывались, что максимальное развитие тотального контроля над человеком означает рабство, и все будет зависеть от того, кто будет господином над этими рабами. Вот почему Церковь категорически против использования цифровых технологий в обеспечении тотального контроля над человеческой личностью.

– Будем надеяться, что хоть дистанционное образование отменится и очное образование вернется в нашу жизнь...

– Ну, дистанционное образование – это не самое страшное, что есть. Конечно, сейчас есть необходимость в том, чтобы не допустить заражения опасной инфекцией большого количества учащихся. Но дистанционное образование имеет другие негативные последствия – не те апокалиптические, о которых я говорил, а более приближенные. Например, когда люди обучаются вне общения с другими, – это, я думаю, тоже очень опасно. Потому что ребенок формируется в семье, студент формируется в коллективе, в общении с профессорами, преподавателями, своими товарищами, друзьями. Поэтому помещение человека в искусственную изоляцию может, несомненно, негативно отразиться на его формировании.

– Ваше Святейшество, можно, спрошу Вас о Белоруссии, ведь это территория пастырской ответственности Русской Православной Церкви? Там с некоторого времени наблюдается напряженность между властями и частью общества. Белорусский экзархат призвал к прекращению насилия и к проведению диалога. Скажите, как Русская Православная Церковь в целом реагирует на гражданское нестроение такого рода и как можно в Белоруссии достичь национального примирения, согласия?

– Ну, во-первых, мы полностью поддержали владыку Вениамина, нового главу Белорусского экзархата, Белорусской Православной Церкви, и весь белорусский епископат, которые обратились к народу с призывом прекратить насилие и пойти по пути примирения. И ведь это обращение было направлено ко всем. Со стороны властей были случаи неоправданного насилия, чрезмерного употребления силы; но и со стороны протестующих тоже были проявления радикализма.

Мы свидетели того, что произошло на Украине, – сейчас слово «майдан» стало нарицательным. Совершенно очевидно, что опыт Украины должен научить всех нас, что преобразования в обществе должны проходить таким образом, чтобы они не сопровождалась нарастанием внутренней напряженности и особенно радикализацией отношений между людьми.

В самом деле, сколько революций уже было, сколько разного рода переворотов, но где, кто и когда посредством насильственных действий достигал мира, покоя, благополучия в обществе? Всегда после революции должен быть долгий период восстановления. Поэтому нужно стремиться к лучшему, не разрушая того, что есть, а развивая в лучшую сторону, улучшая и общественные отношения, и вообще жизнь страны.

Поэтому наш призыв к Белоруссии, близкой моему сердцу Белоруссии, с которой я лично связан еще по своему служению в Смоленске, очень люблю белорусский народ, люблю город Минск и вообще чистоту и порядок этого края... И вот такой пастырский призыв и пастырский совет: все вопросы нужно решать мирно, но, если вопросы существуют, их нужно решать, и это уже обращение и к белорусским властям. Нельзя откладывать в долгий ящик то, что вызывает несогласие и напряжение в обществе. Нужны инструменты разумного, делового обсуждения проблем с выходом на конкретные решения. Дай Бог, чтобы прекратились попытки силовыми способами решать эти вопросы в Белоруссии, и пусть по милости Божией стал бы развиваться диалог между властью и народом, властью и обществом, с участием всех сил, включая представителей религиозных общин, направленный на стабилизацию положения и на всестороннее развитие братской Белоруссии.

– Ваше Святейшество, всем известно, что долгое время Вы принимаете участие

в мирном процессе между Баку и Ереваном, причем делаете это вместе с религиозными лидерами как Азербайджана, так и Армении. Вот сейчас новое обострение конфликта в Карабахе; слава Богу, теперь там наши миротворцы. Перспективы какие, будет ли мир, как Вы считаете?

– У меня есть надежда на то, что мир будет, и я отталкиваюсь от позиции церковных и религиозных властей как Армении, Карабаха, так и Азербайджана. Вы знаете, что Русская Церковь инициировала обсуждение карабахской проблемы с участием Католикоза всех армян и с участием Верховного муфтия, верховного мусульманского лидера Азербайджана Паша-заде. Мы провели несколько туров таких переговоров и о многом договорились. И я думаю, главный итог этих

того, чтобы вдохновить противоборствующие стороны. Выведя религиозный фактор из этого противостояния, мы, конечно, значительно понизили возможный градус этого конфликта со всеми вытекающими последствиями. Поэтому, не преувеличивая роль религиозных лидеров, ни в коем случае не следует и игнорировать эту роль.

Церковь Русская готова также участвовать в этом процессе, чтобы вносить свой миротворческий вклад в решение очень непростой проблемы, которая, к сожалению, в настоящий момент могла быть приостановлена только присутствием российских миротворцев. Дай Бог, чтобы миротворческий потенциал религий заменил присутствие людей с оружием, которые разделили противоборствующие стороны.

переговоров заключается в том, что два религиозных лидера, за которыми стоит большинство народа, говорили друг с другом, и этот разговор был очень спокойным в том смысле, что не было никаких обвинений, никакого напряжения. Хотя у каждого были свои аргументы и эти аргументы честно высказывались, но они не сопровождалась тем, что называется скрежетом зубным, когда эмоции захлестывают и когда диалог превращается практически в словесное сражение. Ничего подобного никогда не было, и происходило это потому, что именно религиозные лидеры несут в полной мере ответственность за духовное состояние своего народа. А что такое духовное состояние? Какая сила возьмет верх – сила мира, любви, спокойствия или сила зла – от этого и будет зависеть поведение людей.

Поэтому роль религиозных лидеров важна – мы ее не преувеличиваем, но и не преуменьшаем. И ведь во время этих переговоров достигались совершенно конкретные результаты – обмен пленными, неиспользование религиозных символов, религиозной фразеологии, религиозной мотивации для

– Вы уже упомянули майдан, после которого наступил глубокий общественный раскол внутри самой Украины. Но потом последовал церковный раскол – вовремя, конечно же, Фанар в Стамбуле подсуетился, да и пошло... Теперь мы видим, насколько глубок раскол в Церкви. Вообще, как Вы считаете, Ваше Святейшество, можно ли и каким образом достичь православного единства?

– Фанар не допустил ошибку, а совершил преступление, я говорю это с горечью. С чужих мыслей и с чужих слов Константинопольский Патриарх совершил то, что совершил. Я неслучайно подчеркиваю: с чужих, потому что обладаю информацией о том, что Патриарх Варфоломей находился под давлением могущественной политической силы, связанной с одной из сверхдержав. Его положение в Турции, мы знаем, очень сложное, непростое. Всегда молимся за Патриарха Константинопольского, понимая, что непросто ему осуществлять свое патриаршее служение. Но, тем не менее, в какой-то момент – я ничему не хочу учить своего собрата, но в какой-то момент, может быть,

нужно набраться силы, чтобы и самым могущественным силам сказать «нет». Думаю, этого Патриарх Варфоломей не сказал и включился в конфликт. А какова была логика тех, кто стоял за Патриархом Варфоломеем, кто, собственно говоря, инспирировал этот конфликт? А логика заключалась в том, чтобы оторвать Россию, православную Россию от православных братьев и сестер в Средиземноморье, на Ближнем Востоке. Потому что, по мнению этих стратегов, уж слишком большую роль играло и играет Православие в формировании духовной, культурной общности и, не разорвав православные связи, невозможно было какими-то внешними факторами разрушить эту духовную общность. Поэтому замысел прост: оторвать Русскую Церковь от православных Греции, арабского мира, Ближнего Востока, с тем чтобы послабее стало Православие.

Попытки будут и дальше. Опять-таки, не хочу произносить никакой критики в адрес своего константинопольского собрата, но, несомненно, все то, что произошло потом в Константинополе, в Стамбуле, свидетельствовало о наказании Божиим. Патриарх Варфоломей ввел раскольников в киевскую святыню, в киевскую Софию, и потерял Софию константинопольскую – она стала мечетью.

Вот мне хотелось бы, чтобы люди задумались, что же произошло. Ты отобрал Святую Софию в Киеве у православных людей, у Православной Церкви, ты вошел туда и привел туда раскольников, и ты потерял свою собственную Софию... Думаю, более очевидные последствия, исходящие от Божиего повеления, представить себе сложно, и последствия наступили незамедлительно, потому что грех был слишком велик. Ну, а выходить из этого мы должны все вместе. Нужно молиться друг за друга, по крайней мере в личных молитвах, если это сейчас затруднительно в богослужении, поскольку мы не поминаем Константинопольского Патриарха в диптихах. Но молиться нужно друг за друга и делать все для того, чтобы этот кризис в Православии, навязанный извне, как можно быстрее прошел. Русская Церковь готова пройти свою часть пути для того, чтобы достичь этой цели.

– Ваше Святейшество, очень хочется все-таки закончить это интервью на праздничной Рождественской ноте, хотя, конечно, в этом году и Новый год, и Рождество у нас без массовых гуляний по понятным причинам, ради эпидемиологической безопасности все мы будем лишены больших и шумных праздников. А вот как эту радость, которая традиционно выходит за пределы божественных богослужений, не растерять в своем собственном сердце? Как быть праздничным?

– Вообще праздник сопровождается проявлением двух эмоций – веселья и радости. Казалось бы, одно и то же, однако это совсем не так. Веселье – это внешние эмоции. Вот рассказал человек что-то смешное, и люди засмеялись, им весело. А радость – это состояние души. Вот когда мы причащаемся Святых Христовых Таин, нас никто не веселит, а мы выходим из храма с радостью в сердце. Когда мы делаем добрые дела, когда добровольцы, жертвуя своим временем и рискуя здоровьем, делают добрые дела, у них в сердце радость, но не веселье.

Веселье формируется в ответ на веселые передачи по телевидению, в ответ на разные смешные истории, – ну и дай Бог, пускай люди посмеются, повеселятся, но давайте помнить о том, что веселье пройдет очень быстро. Выключили телевизор, потушили свет, закончилось застолье, – и веселье закончилось. А вот радость важно сохранить в сердце, ведь радость – это дар Божий. Радость, о которой я говорю, невозможно сформировать никакими внешними факторами – ни культурными, ни научными, ни деловыми; это состояние формируется силой благодати Божией, которая изливается не только на людей православных и даже не только на людей верующих. В ответ на все то доброе, что люди делают, даже в ответ на их добрые мысли, в ответ на готовность отказаться от того, что омрачало их сердце и доставляло скорбь другим, Господь посылает эту радость. Я желаю именно эту Рождественскую, Божественную радость сохранять в сердце как можно дольше.

Пресс-служба Патриарха Московского и всея Руси

РЕПРЕССИРОВАННОЕ РОЖДЕСТВО

Кремлевская елка – главное новогоднее представление – в этом году из-за пандемии впервые в истории современной России прошла в онлайнформате – без детей, ее фактических участников. Нечто похожее происходило разве что сто лет назад, когда советская власть, проводя антирелигиозную кампанию, пыталась уничтожить «всякие поповские обряды, которые веками туманили головы рабочего класса и крестьян», заменив их пролетарскими, поставив под запрет, в частности, празднование Рождества Христова и Нового года. О том, как боролись с пережитками буржуазной идеологии большевики и что из этого вышло, наша публикация

«БЕСПЛОДНАЯ СМОКОВНИЦА»

Первыми шагами на пути преобразования общественной жизни Российской империи на революционных началах, точнее, безжалостного слома ее вековых устоев, основывающихся на Православии, стали декреты о земле, введении григорианского календаря, отделении церкви от государства и школы от церкви, а также первая российская Конституция, национализировавшие монастырские и церковные земли, лишившие Церковь экономической опоры и юридических прав, нарушавшие канонические и духовные основы религиозной жизни Церкви в целом.

Сопровождали свод документов кампании по кощунственному вскрытию святых мощей и грабительскому изъятию церковных ценностей, а также показательные процессы над церковнослужителями для устрашения паствы. Все это свидетельствовало о планомерном наступлении государства на Православную Церковь.

Под большевистский молох попали и «буржуазные праздники». Первыми в их ряду были Пасха, Рождество Христово и Новый год. К религиозным предрассудкам была отнесена и рождественская елка, как неизменный атрибут праздника.

Поскольку дни проведения главных церковных праздников в первые годы установления советской власти пока еще оставались нерабочими, на замену им были придуманы новые, революционные, – «комсомольское рождество» и «комсомольская пасха», имевшие целью «развить антирелигиозную пропаганду и отвлечь молодежь и взрослое население от празднования в церкви».

Ударным, передовым отрядом в борьбе с Церковью стали комсомольцы. Специальный циркуляр рекомендовал им в рождественские дни повсеместно «крестным ходом» обходить дома с ряжеными, факелами, красной звездой, оркестром и пением революционных песен, «славя советскую власть по примеру того, как подростки славят рождество», устраивать антирелигиозные представления и «красные елки», украшенные вместо фигурок ангелов и младенцев в колыбели пятиконечными звездами и гирляндами красных флажков.

Начинался комсомольский «штурм небес». Народ при приближении таких карнавалов процессий, не желая смотреть на богохульства, отвратительные даже для неверующих, закрывал ворота и гасил огни в домах. В отдельных случаях церковные службы переносились или отменялись ду-

ховенством, стремившемся избежать столкновения прихожан с агрессивной толпой. Антирелигиозные шествия сопровождалась порой избиением богохульников возмущенными рабочими и крестьянами.

Стало «доброй традицией» для властей в преддверии Рождества Христова на местах принимать решения о разграблении, закрытии и сносе храмов, изъятии церковью под клубы, школы, ремонтные мастерские, зернохранилища. Трудовые коллективы заводов и фабрик, соревнуясь друг с другом, принимали решения о сдаче церковных колоколов на нужды промышленности.

По примеру Ленинграда повсюду стали появляться «безбожные» цеха, подмосковный Подольск было предложено переименовать в город Безбожный. В Рождественский сочельник в рабочих клубах устраивались антирелигиозные лотереи и конкурсы на «лучшего безбожника». Трудящихся, мужчин и женщин, принуждали подписывать формальные заявления об отступничестве от религии с хулой на Бога, под угрозой лишения их жилья, карточек на хлеб и одежду.

На протяжении 1920-х годов в стране, не ослабевая, шла настоящая война между безбожной властью и верующим народом. Вот лишь некоторые сводки с мест сражений:

«В городе Брянске местные комсомольцы в ночь перед одним из праздников вскрыли церковь и проникли на колокольню, унеся церковный инвентарь и сняв языки у колоколов, после чего унесли все это в лес, где и сожгли то, что можно было сжечь. Публика в сильном негодовании клеймит РКСМ как бандитскую и хулиганскую организацию».

«Близ Таганрога толпа верующих ворвалась в храм, насильственно отобрали под библиотеку, снесла скамьи, разорвала агитационные плакаты. Затем разнесся слух, что неподалеку жгут иконы. Толпа бросилась туда. Прибывшая милиция, после того, как толпа не подчинилась требованию разойтись и дав два выстрела вверх, открыла по толпе стрельбу, в результате чего были ранены 3 женщины, один грудной ребенок и один мальчик».

Под Черниговом местные власти закрыли церковь накануне Благовещения. «Пришедшие на следующий день верующие церковь открыли, и обряд был совершен. Тогда посадили. Собралась толпа, требовавшая его освобождения, и избивала милиционера, который требовал, чтобы толпа разошлась».

В деревне Акулово Тверской губернии

«побили комсомольцев, пытавшихся во время крестного хода вести антирелигиозную агитацию», а в одном сибирском селе «во время антирелигиозного вечера в клуб РКСМ была брошена граната, ранившая тяжело 4-х человек».

Все это сведения из секретных сводок ОГПУ, документов, предназначенных для партийного руководства. И фактов подобно-го рода было немало.

Проводимые богборцами уличные шествия и карнавалы в период церковных праздников вскоре были осуждены Лениным как «вредное озорство» и запрещены директивами партии, призвавшими агитаторов отказаться от «нарочито грубых приемов, издевательства над предметами веры и культа». Отныне «комсомольскую пасху» и «комсомольское рождество» рекомендовалось сосредоточить в стенах клубов, предприятий и казарм в виде массовых вечеров с докладами и инсценировками.

В циркулярах указывалось, что «антирелигиозная пропаганда должна вестись в форме естественно-научных и политических разъяснений, подрывающих веру в бога». Безбожные праздники разрешалось отмечать только в городах, но не в деревне, где народ по-прежнему оставался религиозным и препятствовал закрытию храмов.

«Штурм небес» сменился длительной осадой, проходившей в атмосфере гонений на Церковь, которую терзали беспрепятственно и разными способами: убивали и отправляли в лагеря архиереев, священников, монахов – исповедников веры; вскрывали святые мощи; подвергали ограблению и закрытию храмы; повсеместно глумились над верой, неистово пропагандируя атеизм.

В 1929 году борьба с Богом вышла на свой новый этап – началось решительное наступление на «церковников и сектантов»: вместо Общества друзей газеты «Безбожник» создается Союз воинствующих безбожников; Рождество Христово исключается из официального календаря и перестает быть выходным днем, а само его празднование отождествляется с пьянством; вводится запрет на продажу рождественской ели, а тем, кто нарушит его назначаются штрафы и принудительные работы.

С легкой руки председателя Союза воинствующих безбожников Ярославского (Губельмана) к антирелигиозной деятельности в помощь комсомолу стали привлекать детей. Особое внимание в «воспитании активных безбожников» уделялось школам и пионеротрядам. Не оставались в стороне и

детские сады: шефствующие над ними пионеры разъясняли малышам, что «рабочие, крестьяне и их дети не должны праздновать буржуазских праздников».

Ответственные товарищи из старых коммунистов призывали Политбюро «рыхлить почву» для «семян атеизма и материализма», заявляя, что «советская власть – первое в мире правительство, которое принципиально отвергает... всякую совместную деятельность с какой бы то ни было церковью».

На первой странице одного из номеров журнала «Безбожник» красовался лозунг: «Долой эту сволочь религию!», а в одном из редакционных материалов читателям давался совет употреблять иконы на дрова! Архивные документы свидетельствуют о том, что в ряде городов в воскресные дни организовывались шествия рабочих, сопровождавшиеся массовым сожжением икон, как правило, у врат разоренной их же руками церкви.

После шести лет забвения, в 1930 году безбожниками вновь было устроено антирождество, по своему размаху не знавшее себе равных. К карнавальным «похоронам религии» на предприятиях и в учреждениях готовились как к первомайской или октябрьской демонстрации.

На нужды маскарада городские власти выделяли из имущества закрытых храмов кресты и церковные облачения. К дню его проведения были приурочены конкурсы на сдачу икон и церковных книг. К примеру, рабочие «Пролетарки» в Твери вынесли из своих общежитий и квартир для публичного уничтожения 1 200 икон, шахтеры рудника «Красного Профинтерн» в Енакиеве собрали 870 икон. На площадях водружались приговоренные для сожжения рождественские елки с развешенными на них куклами, избравшими священников... Надо ли описывать в подробностях детали этого шабаша.

После такого зачала уже в следующем 1932 году страна вступила в пятилетку, официально названной «безбожной», к концу которой, по заверению партии и правительства, «имя Бога должно быть забыто». Что из этого вышло нам хорошо известно.

Однако, несмотря на массовые репрессии, исповедники веры в разных условиях и обстоятельствах жизни продолжали отмечать церковные праздники, что само по себе уже было подвигом. Обратимся к воспоминаниям Веры Ивановны Прохоровой, прямого потомка представителей промышленных династий Прохоровых и Гучковых, о праздновании Рождества Христова в ГУЛАГе, в котором она провела долгих шесть лет.

РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО В ГУЛАГЕ

«Невероятно, как нам удавалось год за годом праздновать величайшее событие человечества в этом особом лагере, где все было запрещено, где каждый шаг, предпринимаемый ради празднования Рождества, был чрезвычайно опасен, где постоянно приходилось применять сноровку и мужество, чтобы сбить с толку безжалостный конвой...

Среди женщин в наших лагерях были как настоящие преступники – воры и убийцы, так и осужденные за политические преступления „против народа“, а также иностранки, которые получили приговор за свою национальность или свое происхождение...

Наши рождественские празднества свидетельствовали, что в людях нельзя уничтожить стремление к чему-то поистине небесному. Им нельзя овладеть, возможно, потому, что оно слишком возвышенно, но мы все ощущали его наличие. Несмотря на то, что в каждом лагере празднования различались, огромная духовная чистота праздника была одинаковой, чего я не испытывала с раннего детства. Такое возвышенное чувство единства, братства и любви! Когда я восстанавливаю в памяти эти картины, мне кажется, что эти празднования были на самом деле самыми духовными, самыми трогательными и самыми близкими к Богу. Мы чувствовали, что Бог был среди нас.

Примечательно, как шло приготовления к этим празднествам. Каждое празднование требовало много энергии, терпения, смелости и стойкости, и каждый шаг к празднованию был опасен. Приготовления начинались первого октября, когда в Сибирь приходили первые морозы, а вскоре за ними выпал снег. Поскольку большинство женщин в лагере было из России или Украины, верующих называли „монашками“. Они были не монахини, а просто религиозные женщины из деревень, чье преступление состояло в том, что они протестовали против закрытия церкви. Они вступали в спор с теми, кто приходил закрывать церкви, и их арестовывали. Их забирали от своих мужей, детей и

во время поминальных и праздничных дней. Они делали замечательные пирожки со смородиной. Они готовили сушеный картофель так, что он казался восхитительным. Но делали они это с осторожностью и благоразумием, а потом все припрятывали. Если охрана случайно обнаруживала эти свертки, их яростно уничтожали, а ответственную женщину наказывали.

Но к великому дню Рождественского сочельника все было готово. Конечно, нам также нужна была Рождественская елка. Одна из бригад заключенных работала на лесоповале. В назначенный день каждая женщина из этой бригады прятала маленькую елочку под своей арестантской одеждой. В воротах лагеря их тщательно обыскивали, находили елочки в большом количестве и ломали их. Но был жесточайший холод, и для обыска бригады в конвое было всего три охранника, а женщин больше пятидесяти. Пока одну из них обыскивали, две или три проходили позади нее. Так что в Рождественский сочельник в каждом бараке была елка. Другая бригада трудилась на обработке слюды, прозрачного как стекло минерала, а частички слюды сверкали и блестили. Так вот, из производственного цеха, где они трудились весь день, эти женщины приносили маленькие кусочки слюды для украшения.

Конечно, столы тоже нужно было чем-то покрыть. Но столы были очень длинные, за каждым умещалось восемьдесят человек, и представить себе скатерти такой длины было просто нереально. Но на протяжении месяцев в разные дни женщины умудрялись раздобыть простыню, которую забирали из запертой кладовой, говоря: „Понимаете, моя наволочка вся разодрана, я не могу спать на голом сене“. Ладно, ей выдавали простыню.

Таким образом, в Рождественский сочельник в каждом бараке, во всю длину стола лежали скатерти из белых простыней. На каждом столе была сверкающая елка, которая сияла частичками слюды и красивой звездой из целной слюды. Почти каждый

которые располагались в двух километрах отсюда. Тюрьма была надежной, поэтому они уезжали без опасений. Конечно, на дворе стоял декабрь, был жуткий холод, и они не хотели приезжать ночью для обысков, поэтому мы знали, что находимся в относительной безопасности. В полночь, женщины, которые осуществляли подготовку стола, похожие в своих платьях на ангелов, по одной подходили к каждому в бараке и очень вежливо приглашали нас к столу: „Будьте добры, присоединяйтесь, присаживайтесь за стол“. Приглашали даже коммунистов. Некоторые ворчали: „Это в честь Бога, никакого Бога нет“, но все равно приходили, они очень хотели придти, и большинство из них принимало участие в пении.

Есть такая украинская традиция, что в Сочельник за столом должно быть тринадцать перемени блюд, и у нас всегда их было тринадцать. Прекрасные, очень вкусные блюда. Сначала маленькие булочки с изюмом, потом кутья с сухофруктами, затем какое-то вкусное блюдо из вяленой рыбы и потом еще

ста и Рождество. Было чувство, что ты на небесах. Среди нас было абсолютное духовное единство, как будто все мы из разных групп слились в один голос, величайший Иисуса Христа и величайшее на земле событие. Пели латышки, пели немки свое Stille Nacht, а также полячки, китайки, эстонки, украинки, армянки, француженки, американки. Все они пели колядки своих стран.

Конечно, в этих ужасных лагерях были очень тяжелые условия, и это никак не способствовало формированию добрых чувств между людьми. Была холодность, раздражительность, несправедливость... естественное влечение к семье, которая была так далеко. Люди зачастую были ожесточены, но в тот момент единственный раз в году мы чувствовали, что на земле воцаряется рай. И мы долгое время потом вспоминали это, говоря друг другу: „А помнишь то-то и то-то... Это было так прекрасно!“

За шесть лет только одна женщина отказалась придти. Она была коммунисткой, копия Троцкого, но одна из женщин принесла

внуков, и они были приговорены как „контрреволюционеры“, пытавшиеся разрушить будущее процветание советского общества. Эти женщины были инициаторами праздника, и какая же тесная связь была между ними! Они помогали друг другу в самых трудных обстоятельствах – с едой, с получением продовольствия из домашних посылок, и даже с получением одежды из закрытого „гардероба“.

За несколько месяцев до Рождества каждая женщина, получавшая посылку, отдавала часть своей муки, сахар, сухофрукты или вяленую рыбу женщине, ответственной за празднование. Все это было аккуратно отсортировано и спрятано, как правило, в сугробах во дворе, потому что каждый угол в лагере тщательно обыскивался. Ночью, когда вся охрана отправлялась по домам за пределы лагеря, печь продолжала гореть, потому что был ужасный мороз. Так что по ночам за недели наперед эти женщины готовили на печи в бараке множество всяких угощений. Они готовили кутью из пшеницы, сладкое кушанье из зерен с сахаром или медом и сухофруктами, которое мы обычно используем

день на протяжении осени, столовая недо считывалась столовых приборов, так что к Рождеству был полный комплект мисок, ложек и кружек к банкету. Вы не представляете, как это было трудно, потому что бараки очень часто обыскивали, и если они находили под подушкой всего лишь одну ложку, она немедленно конфисковалась. Лагерные ложки пересчитывались по мере их возвращения, поэтому раздобыть и спрятать столько ложек, мисок и кружек было большим подвигом. Это устраивали семь или восемь женщин. Во время ежедневной работы эти женщины часто друг с другом ссорились. Представьте себе, в одном месте собрались русские, украинки, немки. Но в тот вечер, я не могла их узнать. Как ловко некоторым из них удавалось раздобыть еще одно платье из каптерки: „Зачем тебе это платье?“ – „Это на 9 октября...“ – „Это запрещено...“ Но так или иначе, дежурная была тоже из заключенных, и она зависела от остальных, поэтому мало-помалу она уступала.

В 10 вечера в Сочельник нас запирали в бараках, тюремное начальство и охрана уезжали из зоны в свои деревянные дома, ко-

и еще до тринадцати. И все это время елка в центре мерцала частичками слюды.

Надо сказать, что весь этот криминальный мир, эти убийцы и воры, становились такими кроткими и благопристойными. Они сидели друг подле друга на скамьях, и им казалось, что они в раю. Когда наступало время службы, так называемые „монашки“, верующие деревенские женщины, которые очень хорошо знали Рождественскую службу, начинали петь. Украинки тоже пели, и пели превосходно! Сначала пели православные, потом немки, поляки, украинские католички, а затем протестантки. Все они пели свои службы. А Евангельское чтение! Я уже упоминала, что почти в каждом бараке, как минимум одна женщина прятала экземпляр Евангелия, которое ей удавалось сохранить после обысков. Каждый год, в каждом бараке было Евангелие, которое читалось в этот день. Я помню одну пожилую немку, которая читала отрывки наизусть, и американку, которая читала по-английски. На каждом языке мы слушали Рождественскую историю. И мы все пели, даже ожесточенные убийцы и воры, все женщины, которые верили во Хри-

ей еду к ее кровати, и она съела. Она говорила: „Эти люди просто невежды. У них нет ни ума, ни культуры... но еда вкусная“. Она тоже поучаствовала, но в такой мере, в какой смогла. Впоследствии преступники и многие коммунисты говорили: „Это было так прекрасно. Значит, Бог милостив?“ – „Да, да, Бог милостив“, – говорили мы. „Он нас простит?“ – „Простит, если вы верите правдиво и искренне, и если вы раскаиваетесь, Бог вас простит. Он не такой как начальник тюрьмы. Он совершенно другой.“ „Да, – говорили они, – мы это чувствуем“.

Все, и молодые, и старые, с разным культурным уровнем и разными профессиями, те, кто обычно казались друг другу чужими, кто часто жестоко ссорился, совершенно переменились в эту ночь. Мы все знали, что с нами Бог, и в эту ночь эту веру не могла разрушить ни одна земная власть. Мы были счастливы, и даже те, кто имел трудный характер, были рады стать частью одной человеческой семьи, славящей Христа и Его рождение. Это был праздник, который я запомню навсегда, и я знаю, что никакая земная власть не нарушит этого единства».

НЕПРИДУМАННЫЕ ИСТОРИИ

ДУБЛЕНКИ

В декабре 1991 года, перед самым Новым годом, я болел, и совет нашей общины собрался у меня дома что-то обсуждать. В этот момент звонят нам из нашей больницы и говорят: «Это вы гуманитарный груз заказывали? А то тут дубленки привезли!»

Надо сказать, что мы как раз перед этим писали письма за границу с просьбами о помощи, потому что у нас совсем ничего не было – ни для сестер, ни для больных, ни для работы, ни для храма (в описываемое время, предшествовавшее постригу и епископской хиротонии, владыка был настоятелем храма во имя благоверного царевича Димитрия при Первой Градской больнице в Москве – *ред.*). И я вспомнил, что в одном письме мы просили для сестер теплые куртки, чтобы зимой в них можно было ходить из корпуса в корпус. Я говорю: «Да, мы заказывали». – «Ну, мы так и подумали. А то тут корпус неправильно указан».

Пришли наши сестры – стоит огромная фура. Действительно, в адресе стоял совсем не наш корпус, а какой-то другой. Звонили завхозу больницы – она о таком даже не слышала. Но и так все поняли, что это нам, больше никому. Фура была из Югославии. Открыли ее – а там новые дубленки, четыре-ста штук! И еще пять тысяч пар новой зимней обуви, и сумки кожаные...

Я ужаснулся – во-первых, куда нам столько?! А во-вторых, нам совершенно негде это хранить! К тому же в то время нас постоянно обворовывали – крали вещи, иконы. Так что если узнают, что у нас в храме такой склад – унесут вместе с храмом. Что делать?

Разгрузили все прямо в храм (больше и некуда было). Все равно пока я болел, служить в храме было никому. Я сказал нашим сестрам: быстро составляйте списки и раздавайте!

И стали мы быстро все раздавать.

Вот как вспоминает об этом Татьяна Павловна Филиппова, главная сестра Свято-Димитриевского сестричества:

– Как-то вечером мне позвонила Нина Эйдельмант и сказала, что завтра надо обязательно быть в храме (я уже в нем работала, но приболела): пришла гуманитарная помощь, которую нужно быстро распределить.

Когда утром я пришла в храм, то от удивления открыла рот, да так и ходила. Весь храм был буквально завален дубленками – мужскими и женскими – и многочисленными коробками с обувью и сумками. Все вещи были абсолютно новыми. Оказалось, что накануне в храм дежурному – это был Вася Сечакев, ныне отец Василий (представился ко Господу 04.02.2016 года – *ред.*) – позвонила с таможни тогдашний завхоз больницы Валентина Т. и известила о том, что получает гуманитарный груз, по-видимому, предназначенный для храма – теплые вещи и обувь. Больница такого груза не заказывала. Дежурный навел справки и разузнал, что, действительно, писали заявки на гуманитарную помощь, в том числе и на теплые куртки. Оказавшийся в тот момент на таможне представитель Московской Патриархии, знавший батюшку и больничный храм, подтвердил, что если груз гуманитарный – значит, скорее всего, для храма при Первой Градской. Взяли благословение у отца Аркадия (имя владыки до пострига – *ред.*), и все получили, то есть все привезли нам.

Последующие дни мы очень интенсивно все раздавали, т.к. надо было освобождать храм. Одели всех одинаково, как из одного детского дома-интерната (только очень богатого): батюшек, матушек и прихожан братских храмов, сотрудников больницы... Всех заносили в список с адресами и паспортными данными, ведь за гуманитарную помощь всегда нужно отчитываться. За пять дней раздали все дубленки и кожаные сумки, две с половиной тысячи пар обуви из полученных пяти тысяч. Остатки аккуратно описала и убрала Ольга Н. Дай ей Бог здоровья!

... А дальше было вот что. Стою я как-то в храме, в коридоре, и навстречу мне идут два разъяренных кавказца. Мне от одного их вида стало как-то не по себе. Подходят. Один спрашивает: «Это вы машину с дубленками и обувью разгрузили?!» Я говорю: «Мы». –

«Да как вы посмели?! Это же наша была машина! Наш был груз!!!»

Оказалось, что корпус был правильно указан, был такой, но даже больничные службы о нем не знали. И в нем была какая-то кавказская фирма. У нас вообще тогда на территории больницы было много странных полуподпольных фирм... Одна из таких фирм и решила под видом гуманитарной помощи получить товар из Югославии, чтобы не платить таможенных сборов.

Они нас спрашивают: «Где вещи?!» А мы говорим: «Раздали. Вот списки. Если хотите – собирайте». Они: «Зачем нам ношенные? Нам ношенные не нужны!»

Вот так получилось, что мы всех нуждающихся одели в прекрасные дубленки и обувь. А эти кавказцы потом выставили Патриархии иск на 200 тысяч долларов. Меня попросили написать объяснительную записку для Его Святейшества. Помню, мы с Олей Комаровой (Царство ей Небесное!) всю ночь сочиняли объяснение. И Патриарх целый год, когда меня где-нибудь встречал, всегда спрашивал: «Ну, как там дубленки?..»

А потом как-то раз зимой шел я в больницу с нашей сестрой, одетой в ту самую

лом любимого праздника, который я с нетерпением жду каждый год.

Протоиерей Александр Дьяченко

БАБОЧКА

Эта история произошла в Рождество 2013 года в нашем храме Казанской иконы Божией Матери в селе Медное Тверской области. Как обычно, к празднику мы с прихожанами соорудили рождественский вертеп из подручных материалов – на этот раз ими оказались железные решетки для окон. Мы составили их в форме раскрытой книги, связали между собой и обтянули белой тканью, а на пол постелили сено. В вертеп поставили детскую деревянную кроватку и положили в нее «младенца» – куклу. Кто-то принес ящичек с песком и поставил его на пенек перед вертепом. В этот ящичек многие стали ставить свечи, как перед иконой. Ребятишки молились и просили младенца Христа за своих родителей и болеющих родственников, родители умиленно смотрели на детей и тоже о чем-то молились. На ночной службе вертеп подсвечивали разноцветными гирляндами, которые мигали и создавали праздничное настроение.

дубленку. Проходим мы мимо машины, а рядом с ней два кавказца стоят. Мы прошли, и один нам вслед тихо говорит (у меня слух очень хороший, я, когда уроки вел, все подсказки всегда слышал): «Вон наша дубленка пошла...»

Вот так получилось, что община едва создавалась, сестры только начинали трудиться в больнице, а милостивый Господь помог им в материальных нуждах – послал щедрые рождественские подарки.

Епископ Пантелеимон (Шатов)

«БЕСПЛАТНЫЙ» СТИШОК

На праздник Рождества мы после службы всегда устраиваем елку для детей. Малыши рассказывают стишки, колядки, короткие молитвы – славят Христа как умеют. Кто-то приносит свои рисунки или поет. За выступление они получают маленькие подарки: сладости, игрушки и различные безделушки, которые приводят в восторг детвору.

Наконец, храм пустеет: все подарки, книжки и прочие призы розданы. Даже одна мама не устояла и рассказала мне стишок, за что получила шоколадку. Тишина, умиротворение, тихая радость. Вдруг слышу:

– Батюшка, а я вот тоже жду, хочу рассказать тебе стишок.

Из-за колонны выходит девочка лет восьми-девяти. Я лихорадочно начинаю стучать себя по карманам и понимаю, что у меня ничего нет. Пусто.

– Дитя мое, – говорю, – прости, но у меня ничего не осталось, я уже все раздал.

– А мне ничего и не нужно, батюшка, – говорит ребенок, – я тебе бесплатно расскажу.

Мы потом еще долго разговаривали с ней в опустевшем храме, и воистину нет слаще общения, чем общение друзей. Эта детская непосредственность стала для меня симво-

людей на службе было много, и на удивительную гостью праздничной Литургии обратили внимание на сразу. Только после богослужения ребятишки обнаружили в вертепе... яркую черно-красную бабочку! И это в нашу-то суровую русскую зиму! Никто не заметил, как и когда именно она появилась. Бабочка тихонько сидела на «яслях» и никого не боялась – видимо, и она хотела приобщиться к великому празднику. Немного посидев на краю «яслей», необычная гостья осторожно перебралась на грудь младенца. Но и тут бабочка не задержалась долго. Ей тоже нужно было прославить новорожденного младенца Христа, ведь не зря говорится в Библии: «Каждая тварь да славит Господа». Но как это сделать маленькому бессловесному насекомому? Бабочка поступила просто и мудро – она увенчала собой лоб младенца...

Прихожан и вообще всех, кто был в храме, это необычное происшествие поразило. Думаю, мы стали свидетелями настоящего чуда – ведь бабочка проснулась не от тепла, а в самом холодном месте храма. Печка, которая там работала, рассчитана максимум на полхрама.

Мы любовались безмолвной красавицей весь праздничный день. Лишь изредка бабочка расправляла свои крылышки, желая показать, что она жива и не уснула. На следующий день летняя гостья исчезла так же внезапно, как и появилась. Больше ее никто не видел.

Не важно, маленький ты или большой, есть у тебя голос или нет – каждый может прославить Христа в этот великий праздник.

Елена Седова

ГОЛУБИ

Эта история случилась прошлой зимой, незадолго до Рождества, с самым маленьким

прихожанином нашего храма – Мишей, у которого тяжело болел дедушка.

Однажды я стала замечать, как после начала Литургии малыш, постояв немного возле мамы, выходит на улицу и садится на церковной лавочке, деловито смотрит на часы, достает хлеб и... начинает кормить дружную ватагу голубей. Сидящие рядом приходские бабушки стараются отвлечь малыша, помочь скоротать время ожидания матери, но он лишь отодвигается к краю лавочки. И снова кормит голубей. И так до конца Литургии. Затем они с мамой уходят домой.

Как-то раз я опоздала на Литургию, и, заехав в церковный двор, снова увидела Мишу, одиноко сидящего на краю скамейки. Малыш, видимо, тихонько молился, потому что его губки слегка шевелились. Увидев меня, мальчик спросил: «Тетенька, хлебушка у вас нету ради Христа?» Сколько теплоты и веры было в его голосе! Хлеба, увы, у меня не было, но зато появился повод расспросить о том, почему он постоянно выходит из церкви и садится на эту лавочку. Миша сел рядом со мной и сказал:

– До конца еще 20 минут, а я не закончил.

– Что не закончил, Мишенька?

– Да доброе дело... – вздохнул он.

– Да о каком же деле ты говоришь и какие 20 минут? – недоумевала я.

– Литургия Боженьке, у меня уже хлебушка нет, а мне нужно, – серьезно произнес мальчик, вскинув на меня свои голубые глазки.

– Зачем тебе хлебушек?

– Кормлю голубков.

– Молодец. Это очень хорошо.

– Нет, не очень. Хлебушка не хватает.

– А почему ты это делаешь, Мишенька?

– У Боженьки много дел, поэтому мало чудес.

– О каком же чуде ты молишься?

– Я молюсь и кормлю голубков, чтоб у Боженьки было время вылечить моего дедушку!

Мои глаза увлажнились. Мне нечего было сказать этому маленькому воину Христову с такой большой верой в душе. Я спросила только:

– А без этого, думаешь, Боженька тебя не услышит?..

– Не знаю. Он сказал, что если я верю, то должен работать. Я маленький еще, но голубков могу кормить и маме помыть чашки.

Этот разговор с мальчиком я теперь всегда вспоминаю в предрождественские дни. Ведь самое настоящее чудо Рождества – то чудо, которое происходит в человеческом сердце.

Вера Евтухова

УДАЧНОЕ ВЛОЖЕНИЕ

В 2009 году, когда меня только назначили служить в храме Димитрия Солунского, денег вообще ни на что не хватало. Не то что на ремонт – была проблема даже дрова купить, чтобы отапливать храм. И вот как-то под Рождество меня попросили отпеть покойника в селе Медное, которое находится в 60 километрах от нас. Я тут же собрался, поехал, но в спешке забыл взять с собой самое главное – разрешительную грамоту, которая кладется в гроб к покойнику.

А в селе Медное только начали восстанавливать храм – похожая с нами история. Я заехал туда, объяснил ситуацию и попросил у них эту грамоту. Ее без вопросов дали и бесплатно, но мне захотелось внести хоть малую лепту на восстановление храма – мне ли не знать, что в глухом селе каждая копейка на счету. А сам думаю – сколько же дать? Сунул руку в карман, а там 300 рублей как раз было. Ну, пусть так и будет. Отдал и уехал отпевать покойника.

И вот на праздник Рождества Христова приезжают в наш храм прихожане из Москвы и дают мне конверт. Открываю – а в нем 30 000 рублей, ровно в сто раз больше, чем я недавно на храм пожертвовал. Я поразился: как Господь мне помог! Для нас это была огромная радость.

Теперь, когда я рассказываю эту историю своим близким, всегда прибавляю в шутку – ну чего было 500 рублей не пожертвовать за грамотку?..

Иерей Валерий Баранов

КАК Я С ПОЗОРОМ БЕЖАЛА ИЗ ХРАМА

Праздник Богоявления я очень люблю. Один из моих первых приходов в храм много лет назад случился именно в этот день. Правда, закончился он полным моим духовным и репутационным фиаско. Но все равно я бережно храню это в сердце и памяти.

Тогда я еще не знала ни про Крещение, ни про Богоявление, ни про святую воду (последнее странно – обычно нецерковные что-то, а Великую агасму чтят), а пришла совершенно по другим делам. Удивилась всем этим странным людям с канистрами, даже немного испугалась, но это меня не остановило. Дела были очень важными.

Я тогда писала диплом, он был не простым, потом планировала поступать в аспирантуру и очень волновалась. Одна церковная знакомая рассказала мне, что есть такая икона «Прибавление ума».

– купишь ее и сразу все будешь знать, – заверила она меня.

Вообще странно, что у меня была такая знакомая, а главное – что у нас с ней были весьма теплые отношения. Всех «этих церковников» я тогда считала чужаками, которым очень нужен хороший психиатр. Но на «Прибавление ума» повелась...

За ним меня и угораздило прийти в храм, прихожанкой которого я позднее стану, в день Крещения Господня.

Решительным шагом человека, презирающего «все это мракобесие», направилась я к свечной лавке. Там как раз был час пик. И клиенты попались с такими же особенностями церковного развития, как и я. Одна женщина требовала святого масла «от всех проблем», другая – «икону – покровительницу тельцов». Третья – крещенскую воду, но никак не богоявленскую. Четвертая спорила с третьей, что как раз богоявленская – святая, а крещенская – полная профанация.

– Где у вас иорданская вода? – кричала пятая. – Иорданская!

А какой-то дед ветхозаветных времен бубнил, что «по-нашему, истинно-православному это Великая агасма и „днесь вод освящается естество“». И так далее. Очередь страждущих заявить о себе была велика.

За свечным ящиком сидела старушка в очках с огромными стеклами, и было видно, что она еле сдерживается. Позже я узнаю, что это легендарная Татьяна Сергеевна – гроза прихожан, захожан, сотрудников храма, всех других людей, приходских кошек, птиц, мышей, тараканов и даже бабочек. Да просто – ГРОЗА. Казалось, что при ее приближении даже свечи становятся ровнее.

– Бабуля, мне бы прибавления ума! – со знанием дела обратилась я к ней, отодвинув всех этих специалистов по водам.

Это, видимо, и стало для Татьяны Сергеевны последней каплей. В эту же секунду я узнала о себе все. И о моем уме, и о способах его прибавления, и о своей никчемной жизни. И о том, куда мне теперь идти со всеми этими бесценными знаниями. Слышала это не только я, но и все находящиеся в храме. Татьяна Сергеевна была не только грозной, но и громогласной.

Краснея, бледнея, задыхаясь от возмущения и обтекаемая святой водой, которую мне кто-то дал отхлебнуть для успокоения, я выскочила на улицу. И отныне и навеки зареклась посещать подобные «заведения».

Когда, по прошествии времени, я начала регулярно ходить в храм (о чудо!), мы с Татьяной Сергеевной сначала были врагами. Тот свой богоявленский позор я ей долго не могла простить. А она, видимо, не могла простить мне сам факт моего существования.

Потом мы подружились, но это отдельная история. И дружили до самой ее смерти. Прошли годы, а я все еще по ней тоскую. И тот день нашего странного знакомства на Крещение я буду помнить всегда.

СТРАШНЫЙ РОМКА

За что я еще люблю этот день – за огромное количество совершенно разных людей, которые наводняют храмы. Церковные и нет, случайные и не очень, кто понимает значение этого праздника и кому вода нужна «чисто подлечиться». Но всех их привел сюда Христос, я уверена. Даже если сами они этого пока не осознают.

Люблю всю эту суету и сама часто становлюсь на разлив, чтобы поглазеть на тех, кто пришел, познакомиться, пообщаться с народом, послушать истории.

А люди приходят очень разные. Однажды пришел Страшный Ромка, как его называли – бездомный. Он уже умер. Рассказывали, что заснул на улице пьяный и не проснулся.

Ромка побирался у одного из местных магазинов. Лицо обожженное, все в шрамах. Часть губы оторвана. Одного глаза нет. Была у него собака, которая согревала его своим облезлым боком, когда Ромка валялся пьяный где-нибудь.

Но Ромка был человеком интересным, неординарным и каким-то очень порядочным и даже трепетным. Мне всегда хотелось спросить, кем он был в «прошлой» жизни, но я не решилась.

Помню, пару раз я видела его в магазине, когда он покупал на собранные деньги не водку, не пиво, а какие-то дешевые сосиски для своей облезлой собаки. Потом кормил ее, а она лизала ему руки. Они очень любили друг друга, да. Наверное, эта собака была единственным Ромкиным настоящим другом...

Видела я, как пытался он усмирить в этом же магазине какого-то пьяного дядьку, который устроил дебош, цеплялся к людям, оскорблял. Был он высоким, крепким, очень агрессивным. И никто не хотел с ним связываться, даже охрана.

– Я русский солдат! – орал этот мужик и бил себя в грудь.

И рассказывал кассиру с восточной внешностью, как «резал таких в окопах».

Тогда к нему подошел Страшный Ромка. – Не позорь русского солдата, – сказал он.

Он помогал людям – открывал дверь в магазин. Как-то собрал мою рассыпавшуюся картошку – единственный из всех, кто это видел... Однажды он вернул кошелек, который обронила моя соседка по дому, Евгения Ивановна.

Была она вредной, занудной и всегда знала, что другие делают не так и как им нужно жить. И не только знала, но и лезла ко всем со своими бесценными указаниями. Все делала правильно только она одна. Ромку она, естественно, ненавидела. В ее картину мира он никак не вписывался.

Но именно она рассказала мне о Ромкиной смерти. И о том, как однажды сняла в том магазине в банкомате всю пенсию и положила в кошелек. А потом услышала за спиной:

– Вот возьмите, Вы уронили.

Это был Ромка. Пьяный, как всегда. И он не взял себе ни копейки. И что-то изменил в этой странной женщине.

– Страшный Ромка умер, – говорила мне со слезами на глазах Евгения Ивановна. – А я ему вот... Блиничков напекла...

В тот день на Крещение Ромка заявился у нас на подворье. От него, как всегда, пахло застарелым перегаром, грязным телом и чем-то еще.

Вел себя смиренно, не попрошайничал. Тихонько подошел к очереди за святой водой и пристроился со своей маленькой бутылочкой.

– Фу... Какая вонь! – отвернулась от него какая-то женщина.

– Куда смотрит охрана! Он же нас всех сейчас заразит! Или обворует! – отодвинулась от Ромки другая.

Какой-то грозный мужчина начал угрожать полицией и погнал Ромку с подворья. Под одобрительные реплики благочестиво-православного народа.

И я ничего не сделала... Я стояла и смотрела. Смотрела, как уходил он, пошатываясь и опустив голову. О чем он думал? Не знаю...

Сделала баба Вера. Наша покойная уже прихожанка.

– Постой! – крикнула она. – Да-да, ты... И посемила к Ромке со своей палочкой.

– Ты же воды хотел? На, бери, – протянула она ему баночку.

И еще что-то сунула ему в руку. Наверное, деньги.

Он стоял, смотрел то на баночку, то на бабу Веру. Так они и стояли друг напротив друга – баба Вера, удивительная, святая женщина, и этот Ромка. И мне тогда казалось, что третьим рядом с ними был Христос.

Еще я думала, что баба Вера, наверное, знает больше, чем мы. Что не во всей этой воде смысл этого праздника. Не в окунании,

Церковь, которая – лицемерие, Бог в душе, но воды я наберу и буду жаловаться в Патриархию».

Ее пытались усмирить наши церковные бабушки:

– Как Вы себя ведете! Это же храм! Как Вам не стыдно! Такой праздник! Богоявление! Вы хоть знаете, что это такое? Приходят тут два раза в год – на Пасху и за водой – и скандалы устраивают!

Подошел охранник и пригрозил вывести. Женщина распалась еще больше. И тут вмешался этот молодой полицейский, обруганный ею:

– А давайте я Вам помогу. Сам сейчас воды наберу, без очереди.

И она как-то сразу обмякла, притихла и даже смутилась.

Парень наполнил ее бутылку, отдал и улынулся:

– С праздником!

Она робко улыбнулась в ответ, пробормотала: «Простите», – и тихо пошла с подворья.

Скажу глупость, но в тот момент мне казалось, что для этой скандальной женщины случилось ее личное «Богоявление». Человек увидел Бога, Который есть Любовь.

Увидел Христа. Не в обличениях, нравочениях и рассказах, что такое праздник. И даже не в святой воде. А в улыбке молодого полицейского и в таких обычных словах:

– А давайте я Вам помогу...

Ведь можно хоть тонну святой воды выпить и во все проруби мира в этот день окунуться, но ближе к Богу не станешь, если нет любви. «Дух дышит, где хочет...» Он дышал в сердце того полицейского.

Елена Кучеренко, Вадим Прищеп

ТУМБОЧКА

Дело было в Крещенский сочельник.

Так уж вышло, что фазенда моя находится далеко за городом, а потому добираться до храма приходится долго и мучительно... особенно утром. Особенно зимой.

Снегу за ночь выпало столько, что едва шагнув за крыльцо я оказалась в сугробе по самый «задний бампер». Кое-как, почти вплавь, добралась до дороги, поймала попутку.

Но трасса перекрыта. Остается только сидеть и ждать пока снегоуборочная техника расчистит дорогу... А в 8.00 начнут читать царские часы.

Надо сказать, что певчие у меня замечательные, сообразительные и находчивые. Но, услышав по телефону, что я опаздываю (причем сильно), на клиросе начинают что-то невообразимое. Фильм «Титаник» смотрели? Все примерно так же, только без айсберга и Ди Каприо.

«Часы и служба в фиолетовой папке, папка в тумбочке. Открываете и читаете. Все поняли?» – медленно и спокойно говорю я по телефону, и услышав утвердительный ответ продолжаю ждать, когда же нас, наконец, вызволят из снежного плена.

Звонок.

– Где часы???

– В тумбочке, в фиолетовой папке.

– А тумбочка где?

– На клиросе.

Опять звонок.

– В какой тумбочке?

– На клиросе одна тумбочка.

– Черная

– Черный у нас комод. Тумбочка – это которая маленькая и коричневая.

И снова звонок (слышу, что на заднем фоне уже что-то читают, но определенно что-то не то).

– Нету на клиросе тумбочки!!!

– Вчера была. Куда дели? Читайте по Минее.

Звоню алтарнику, прошу подняться на клирос и проконтролировать.

Звонок.

– Короче мы читаем по Минее.

– Молодцы. По январской надеюсь?

– Блиииин!!! (топот ног, шуршание книг).

ЗАНАВЕС.

P.S. Залетаю на клирос к концу третьего часа. Все шкафы распахнуты, комод перевернут вверх дном! И лишь нетронутая тумбочка на месте. В ней фиолетовая папка. В папке Царские часы.

После службы распечатала и повесила на дверь картинку: «Строение тумбочки».

Анастасия Дубинская

РОЖДЕСТВО В «КРАСНОЙ ЗОНЕ»

11 января в НИИ скорой помощи им. Н. В. Склифосовского протоиерей Василий Гелеван поздравил с Рождеством Христовым медицинский персонал и больных коронавирусом. Батюшка – один из 20 священников из специальной группы, созданной при Больничной комиссии Московской епархии, для посещения больных на дому и в ковидных отделениях больниц. Помимо Москвы такие группы созданы и в других епархиях, что делает посещение священниками больных нормой, а не исключением из правил. Об особенностях священнического служения в «красных зонах» рассказ протоиерея Василия Гелевана и наши комментарии к нему

Священников в ковидных отделениях больниц можно различить лишь по епитрахили и поручах, надетых поверх защитного костюма, подобного тем, в которых работает медицинский персонал. Их появление в сопровождении волонтеров в палатах для многих является неожиданностью. Так было и в тот самый рождественский день 11 января.

«Заранее о моем приходе, – рассказывает отец Василий, – пациентов никто не предупредил. Только когда сестры милосердия в коридоре запели рождественскую колядку, больные сразу поняли, что это не доктора, а увидев меня в защитном костюме и епитрахили, заинтересовано отреагировали на наше появление. Времени на посещение было отведено немного и я, поприветствовав всех и поздравив с праздником Рождества Христова, подошел к каждому больному, обращаясь по имени, благо над кроватями у всех написаны их имена. Мы быстро находили общий язык: когда обращаешься к человеку по имени, это сразу располагает. Да и у меня на защитном костюме было написано, кто я есть.

Очень важно просто поддержать людей, как-то их ободрить. Вижу, одну женщину зовут Параскева. Говорю ей: готовьтесь, скоро у вас выписка. Она удивилась и стала спрашивать когда. А я говорю – скоро, ведь имя Параскева означает "Подготовка". Вот и готовьтесь выйти отсюда. Она так воодушевилась!

Вообще, наша встреча прошла очень радостно, чувствовался эмоциональный подъем. Люди не все православные, не все регулярно ходят в храм. Но всех объединила болезнь. Каждому, независимо от его вероисповедания, было приятно, что пришел священник и лично ему сказал какие-то добрые слова.

"Католичка я", – сказала одна пациентка и отказалась целовать принесенную нами в отделение икону Христа. Поговорили с ней немножко, и вот она уже с радостью целует образ Подателя благ и с восторгом принимает окропление.

"Я с уважением отношусь к Вашей деятельности, – говорит мне не верующий профессор, – но на свой счет ее не принимаю, а доброе слово каждому мило и подарки всем нравятся..." Ну что-же и на том спасибо!

Все люди в разном состоянии: кто-то де-

лал огромное усилие, чтобы просто встать и взять благословение, а кто-то чувствовал себя прекрасно и уже готовился к выписке.

Одна женщина даже разговаривать не могла – у нее в трахее была трубка, по которой в легкие поступал кислород. Было видно, что она очень хочет что-то мне сказать. Взяла салфетку и написала: "Можно я сегодня причащусь?" Конечно, как можно отказать – для этого я специально взял с собой запасные Дары. Обычно даже в "красной зоне" мы с сестрами милосердия заранее готовим людей ко Причастию с принятием у них мною исповеди. Но это был особенный случай: человек находится на волоске от смерти и нельзя оставить его без Таинства.

Некрещеных людей стараюсь просто поддержать морально, чтобы человек не чувствовал себя так одиноко, дарю ему что-нибудь сладкое. У нас для подарков было целых четыре корзины с вареньем, выпечкой, конфетами. Главное, чтобы визиты священника были с "человеческим лицом", а не состояли из сухих наставлений. Никакого отторжения у людей я не заметил – видно, что мне были рады. Ну и я попросту не успел им надоесть.

Какие бы мы ни были разные, всем приятно получить подарки, услышать слово утешения и... чтобы их батюшка крещенской водой окропил.

Сегодня произошло еще одно важное событие. Но сначала – его предыстория. Две недели назад я пришел сюда, в больницу, к брату своей прихожанки, с которой был давно знаком. Я знал о том, что он совершенно неверующий и даже враждебно относящийся к Церкви. Михаил, так звали его, не хотел со мной встречаться, но я все же решил подойти к нему, хотя бы для того, чтобы утешить верующую сестру. Он очень удивился,

увидев меня, но общался вежливо, явно не понимая, зачем я вдруг пришел.

Мы разговорились, и тут я увидел на его руке большую цветную татуировку с незнакомым для меня смыслом. Это было пять латинских букв: IDDDQD. Оказалось, это код бессмертия в компьютерной игре Doom – если его ввести, персонажа нельзя убить. Немного подумав, я ответил Михаилу, что ведь и у меня тоже есть код бессмертия! Заинтересовавшись, он стал спрашивать меня о нем. "Христос воскрес!" – вот мой код бессмертия, с улыбкой ответил я. Немного поговорив, я расстался с ним с ощущением возможного продолжения общения.

В тот же день Михаил позвонил сестре и поделился с ней новостью о встрече со священником, удивившись моему доброму расположению к нему. Это было две недели назад.

И вот сегодня мы встретились вновь. Он очень обрадовался, когда увидел знакомое лицо – на полной изоляции без телефона и Интернета это редко кому удается. За разговором я предложил ему причаститься. Представляете, он с радостью согласился!

Причастили Михаила сразу же – у меня были с собой Святые Дары. Христос говорит так: "Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем". Это значит, что внутри Михаила теперь Христос, Который будет вместе с ним бороться с его болезнью. Михаил очень воодушевился после причастия и этих слов, сказав: "теперь я хочу осознать, что же со мной произошло". Как знать, может быть этот день явится поворотным событием в духовной жизни молодого человека.

Обычно к больному вызывают родственники, заранее сообщая батюшке, к кому он пойдет, обязательно просят передать или же спросить что-либо у него. Просят, будучи лишенными возможности услышать голос родного человека, оказавшегося в реанимации без средств связи, а порой и просто самой возможности что-либо сказать.

Иду к больным со словами утешения, а возвращаясь, стараюсь принести родным хорошие вести. Иногда важным оказывается каждое слово, как это было с таким случаем.

Мне запомнилась одна женщина, которую меня просили проведать в реанимации ее дочери, одна из них беременная. Для больной известие о том, что она вскоре станет бабушкой, был мощный стимул поправиться, что спустя какое-то время и произошло.

Здесь же состоялась и наша встреча с главным врачом больницы, совершившим обход отделения, которого мы также поздравили с Рождеством Христовым. Это очень важно и для него, и для всего медицинского персонала – понимать, что они делают очень важное дело, что они не одни. Рядом люди, которые готовы их поддержать, рядом мы – волонтеры, приходящие им на помощь.

У всех врачей, находящихся на передовой линии борьбы с эпидемией, ведь колоссальное моральное напряжение, бессонные ночи, дежурства. А тут приходит священник, улыбается, поздравляет с праздником, сестрички поют колядки... и на душе становится легче.

Я давно не думаю об опасности заразиться в "красной зоне" при посещении больниц. У нас, священников, защитные костюмы, как и у всего медицинского персонала, мы выполняем все санитарные требования, предъявляемые к нахождению в таких отделениях. Для самого себя это нисколько не страшно. А вот стать причиной болезни других – это совсем другое дело. К этому относиться очень серьезно: мне приходится общаться с большим количеством людей: прихожане, семья, родители – все они могут попасть в зону риска, если причина будет во мне... Вот это реально тревожит. Поэтому все меры предосторожности соблюдаются нами неукоснительно. Бог в помощь всем нам!»

*По материалам
открытых источников*